

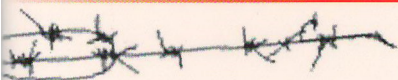
Николай СМЕРНОВ

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

1. Фамилия Моларева
2. Имя и отчество Марии Антоновны год 1898.
3. Дата рождения: число 9 месяц Зачислена Моларева Р-ва
4. Место рождения Зачислена
5. Местонахождение (адрес)

У КАЖДОГО
ЕСТЬ ПРАВО
ВЫБРАТЬ

Еще в третьем веке священномученик Киприан писал: «Вследствие краткого исповедания (имени Христа) прекращаются бедствия, начинается радость, открывается царство, оставляется наказание, изгоняется смерть, является жизнь...

Мученичество всегда высоко и важно, но особенно оно важно теперь, когда сам мир приходит в разрушение, когда отчасти поколебалась вселенная, когда изнемогающая природа представляет свидетельства последнего разрушения...».

Слова эти, написанные так много столетий назад, будто обращены к нам, сегодняшним, напоминая, что благодаря подвигу мучеников Церковь наша стоит и жизнь жительствоует.

В 2009 году исполнилась четверть века, как установлен на Беларуси праздник — Собор белорусских святых.

Пятьдесят шесть святых канонизировано, но их, конечно же, гораздо больше.

С конца XVI века, с распространением у нас самыми жестокими и насильственными методами унии, да и во все последующие времена гонений великое число мучеников своею кровью доказали верность Православию.

Они молятся пред Господом за всех, кто живет на этой земле.

А мы, прославляя святых, прославляем Божественную Любовь к человеку и подвиг человека, который через борьбу с собой и страдания открыл себя этой Любви.

Совсем недавно мы с вами праздновали 2000-летие Рождества Христова.

Сколь велика и знаменательна эта дата — время подведения итогов для всего человечества! С какими же достижениями, с чем мы пришли к ней?

В области экономической — ко всемирному кризису и полной неуверенности в завтрашнем дне.

В области духовной — к оскудению в вере и, как следствие, падению нравственности, разврату и греховой жизни.

Может быть, мы отличились в области государственного, политического и социального устройства общества? Увы, все модели его являются постоянным источником конфликтов и среди социальных групп, и между государствами.

Единственное бесспорное богатство, обретенное за два тысячелетия, — это святые, люди, практически осуществившие высочайший нравственный идеал христианства.

За одно последнее столетие только Русь явила миру сонм святых, пожалуй, соразмерный всей предшествующей истории христианства, — мучеников, исповедников и подвижников благочестия, дав образец нравственного совершенства, мужества, незамутненного видения вечного смысла жизни.

Жестокий и кровавый XX век стал особенно трагическим для земли нашей, потерявшей миллионы своих сынов и дочерей не только от руки внешних врагов, но и от собственных гонителей-богоборцев.

Среди злодейски убиенных и замученных в годы гонений — неисчислимое множество иерархов, священнослужителей, монашествующих и мирян, в вину которым вменялась вера в Бога и верность Ему. Они прославили Господа мученической кончиной, безропотным перенесением страданий в лагерях, тюрьмах, ссылках и сейчас молятся за нас, будят память архивными делами, тюремными фотографиями, воспоминаниями.

А сколько их еще, пострадавших за веру, осталось несломленными и верными Господу! Мы не знаем имен всех их, хотя они наши современники. Но чем больше проходит времени, тем ярче их жизнь светит обмирщвленным нашим душам...

Наш рассказ о супругах Иосифе и Марии Комаровых.

Мария Антоновна в безбожные 1930-е годы не боялась исповедовать веру, за что попала в сталинские лагеря и там закончила свою жизнь.

Иосиф Иванович, храня верность и христианскую, и супружескую, вырастил семерых детей, пройдя с ними все лишения и невзгоды. Без ропота, никого не осуждая, с молитвой нес он свой нелегкий крест.

Думаю, далеко не каждый из нас смог бы повторить их путь, как и путь многих других наших дедушек и бабушек. А потому нам остается только одно: чтить память их. Нужно за них молиться дома, заказывать поминовение на Божественной Литургии, панихиды — повернуться к ним душой. И тогда мы обязательно почувствуем их помощь, заступление за нас, грешных, сольемся с ними в духовном единении.

К НАМ СТУЧИТСЯ ПАМЯТЬ...

“Так и вы, когда исполните все повеленное вам,
говорите: мы рабы ничего не стоящие,
потому что сделали, что должны были сделать”.
(Лк.17, 10)

Мария Антоновна и Иосиф Иванович Комаровы жили в д.Замошье Булавского сельсовета Полоцкого района. Это была небольшая деревушка хуторского типа, от которой сегодня осталось лишь несколько запустелых дачных домиков да камни от разрушенных фундаментов.

Даже не верится, что когда-то здесь бурлила жизнь, бегали и смеялись дети.

На месте дома Комаровых ничего не осталось. Только память близких, хоть и прошло уже много лет, не угасает...

Иосиф и Мария были людьми верующими, жили в согласии и любви. Восемь детей родилось у них, а потому нелегко приходилось, трудились

не покладая рук, чтобы всех прокормить.

А по воскресным дням ходили в церковь на богослужение за 10-12 километров — в поселок Белое (ныне Азино).

Когда церкви позакрывали, молились дома: иконы не снимали со стен и не прятали — считали это преда-тельством. Супруги

были убеждены: чем Богу изменить, лучше пострадать за веру.

Господь этого их и сподобил.

Мария Комарова в 1937 году была арестована, получила десять лет лагерей, была отправлена в далекую Сибирь, где в 1941 году от непосильного труда и скончалась.

Иосифу Комарову Господь указал также нелегкий путь ко спасению: ему одному в голодное, лихое время нужно было поставить на **ноги** семерых детей. В уповании на Бога, в супружеской верности, с молитвой и глубоким смирением нес он свой крест.

— Однажды, — вспоминала дочь Евфросиния, — ехали мы из города на лошади с отцом. Подошел какой-то мужчина, остановил и попросил закурить. Когда папа сказал, что он не курит, тот с размаху ударил его по лицу. Всю дорогу ехал отец и молился: “Прости ему, Господи, не ведает, что творит”...

Духовная связь Иосифа и Марии была не просто сильной — они жили одним сердцем.

Время не имеет власти над настоящими чувствами. Есть исключительная их сила, когда любят в разлуке еще крепче, когда души чувствуют одна другую и за тысячи километров.

Вот так и они. Каждый, страдая и на расстоянии сострадавая друг другу, с благодарением Богу переносил все жизненные невзгоды, согреваясь мыслью о встрече там, в жизни вечной, где никогда больше не придется разлучаться.

Уверен, так оно и есть.

Мария из их дочерей, пожалуй, была самая ревностная по вере. Вся ее семья с самыми малыми детьми в праздничные и воскресные дни всегда спешила в храм.

Как-то Мария замешкалась, одевая малышей, а муж Анатолий в ожидании их сидя задремал. И в тонком сне вдруг видит отца Иосифа, умершего год назад.

“Ты живой? Ты же умер, как ты пришел?”.

“Смерти нет, люди не умирают, а переходят в жизнь вечную”.

“Как тебе там?”.

Иосиф Иванович ответил:

“Хорошо. Мы вместе с женой причислены к лику мучеников...”.

ГОДЫ ВЕЛИКОГО ТЕРРОРА

«Возложат на вас руки и будут гнать, предавая в синагоги и в темницы, и поведут пред царей и правителей за имя Мое; будет же это вам для свидетельства».
(Лк. 21. 12-13).

Совершенно секретно

ОПЕРАТИВНЫЙ ПРИКАЗ

*Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР № 00447
по репрессированию бывших кулаков...
и других антисоветских элементов*

30 июня 1937 г.

г. Москва

Материалами следствия по делам антисоветских формирований устанавливается, что в деревне осело значительное количество кулаков, ранее репрессированных, скрывшихся от репрессий...

Осело много в прошлом репрессированных церковников...

Перед органами государственной безопасности стоит задача — самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов... раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой...

В соответствии с этим приказываю — с 15 августа 1937 года во всех республиках, краях и областях начать операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов.

О МЕРАХ НАКАЗАНИЯ...

1. Все репресслируемые... разбиваются на две категории:
  - а) к первой категории относятся наиболее враждебные... Они подлежат немедленному аресту и, по рассмотрению их дел на тройках, — расстрелу;
  - б) ко второй категории относятся все стальные, менее активные... Они подлежат аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет...

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
Н. ЕЖОВ

В 1930-е годы было популярно стихотворение поэта Эдуарда Багрицкого. В нем есть такие строки:

Но если он скажет: “Солги”, – солги.

Но если он скажет: “Убей”, – убей...

Это — не только полная отмена нравственных заповедей, но и точная модель поведения многих людей в то страшное время. А еще — проявление политического климата, который дает почувствовать, почему было так нетрудно отправить на казнь сотни тысяч людей в 1937–1938 годах.

Очень важно и само безоговорочное требование “солги”, ибо террор тех лет основывался на заведомой и тотальной лжи.

Существовали стандартные обвинения, но каждое дело сопровождалось каким-то определенным набором правонарушений, преступлений: антисоветские высказывания, антисоветская настроенность человека, распространение клеветнических измышлений, слухов...

Но, кроме этого, в отношении сельских жителей применялись и такие, как уклонение от общественных работ в колхозе, нарушение общественной или трудовой дисциплины, потери зерна при уборке. Это самые распространенные обвинения, которые можно было приписать любому.

Человеческая жизнь... Как много она вмещает в себя: страдания, боль, радости и потери. Архивное дело на Марию Антоновну Комарову кроме приказов начальства о ее перемещении по СИБЛАГу содержит лишь короткую справку, подводящую итог ее земного странствия:

“Умерла в Баимском отдельном лагерном пункте Мариинского отделения от правосторонней крупозной пневмонии, порока сердца при явлениях отека легких”.

Два года в Беркульском и два года в Мариинском отделениях СИБЛАГа нынешней Кемеровской области вобрали в себя так много, что жизнь словно разделилась на две части: до лагеря и в лагере.

Марии Комаровой было 47 лет, когда она попала под волну сталинских репрессий. Она, как и многие мужчины и женщины разных национальностей, слоев общества, профессий, образования, была зачислена в ряды “врагов народа”.

Особенность большого террора в том, что в этом процессе было задействовано очень много людей, которых хорошо знали в селе. Это местные руководители, председатели колхозов, сельсоветов. Они оформляли нужные властям характеристики и справки о «классовом лице» обвиняемого, давали свидетельские показания. Одним сло-

вом, к искалечению людских судеб оказались причастны многие начальники.

Вот и Марии Комаровой прямой путь в сталинские лагеря открывала справка, выданная Булавским сельским советом. Судя по этой справке, не жаловали в Булавском сельсовете Марию Антоновну. Хотя, как вспоминают дочери, раньше ей даже предлагали идти работать туда секретарем, так как она была грамотной. Но Мария Комарова отказалась: она знала, что если бы согласилась, то ей самой вместе с “товарищами” пришлось бы решать судьбы колхозников — кого в тюрьму, кого расстрелять, кого помиловать.

Выбрала другое. Человеку всегда дано право выбирать.

Да и как было истинно верующему пойти на сделку с совестью, видя безбожие, самоуправство и жестокость представителей новой власти? К тому времени уже забрали двоюродных братьев — Максима и Ивана Якубенков.

Мария Антоновна отказалась, хотя, наверное, таких последствий своего отказа все же не ожидала.

В постановлении о произведении обыска и ареста указано, что оперуполномоченный 4 отд. УГБ Полоцкого НКВД БССР, рассмотрев материал на гражданку Комарову, нашел, что “она изобличается в преступлении, предусмотренном 72 и 76 ст.УК БССР”, а потому постановили подвергнуть ее обыску и аресту с содержанием под стражей при Полоцкой тюрьме.

В материалах дела, показаниях свидетелей, состряпанных на скорую руку, противоречивые факты, разные цифры, перепутано имя...

Судя по всему, никто и не пытался разобраться, виновен человек или произошла ошибка.

Подшитые в дело постановления повторяются почти дословно. Похоже, под диктовку писались и показания свидетелей. Во всем небрежность и безразличие к человеку. Будто просто довели план по уничтожению людей, и выполнение его поставили на поток.

Дело Марии Комаровой было передано на рассмотрение “тройки”, и ее решением она была приговорена к лишению свободы на десять лет.

С 19 сентября 1937 года пошел отсчет.

С. С. С. Р.
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.
НКВД БССР

О Р Д Е Р № 314

Выдан 18. сентября 1937 г.

Действителен 1 суток,

Сотруднику Белозерского окр. НКВД БССР
тов. Середа

Вам поручается произвести обыск и арест гр-на
Хомарову Анастасию Анисимовну
проживающ. дер. Замосное
Бучковского уезд.

Всем органам Советской власти и гражданам БССР надлежит оказывать законное содействие пред'явителю ордера, при исполнении возложенных на него поручений.

Начальник Белозерского окр.
НКВД БССР

Секретарь

КАК ЖИЛИ ДО ЛАГЕРЯ

“Терпением вашим спасайте души ваши”.
(Лк.21, 19)

Когда Мария собралась за Иосифа замуж, родители, особенно мать, отговаривали: “Посмотри, какой он худой, наверное, чахоточный!”.

Но они полюбили друг друга сразу, как встретились, и на всю жизнь. Оба были привычные к труду, оба почитали Бога и церковь.

Иосиф — немногословный, сдержанный, спокойный. Мария — живая, энергичная и общительная. Можно сказать, две противоположности. Молитва укрепляла их отношения, в безусловном доверии к Богу их разность сливалась в единый гармоничный союз — крепкий и духовно красивый.

Хоть и бедно жили они, но в радости. Родилось восемь детей: в 1919-м — Евфросиния, в 1921-м — Федор, в 1923 году — Евгения, Василий — в 1925 году, в 1927-м — Екатерина, в 1930-м — Мария, Антонина — в 1933-м и самая младшая, Надежда, — в 1936 году.

Дети воспитывались в строгости. Об этом свидетельствует хотя бы такой случай.

У соседки в огороде росли настурции. Нарвали девочки букетик и поставили дома на стол — решили украсить быт. Приходит Мария Антоновна:

— Откуда цветы? У нас не растут такие. Наверное, с соседского огорода?

Потупясь, стояли виновные, понимая, что ждет их наказание.

— Кто рвал? Ты, Евгения?

Мать взяла Женю за одну руку, в другую дала ей розгу и вывела за калитку:

— Иди, проси у тети Ани прощения. Да не забудь сказать, чтобы она этой розгой тебя наказала...

Известно, что дети, гуляя на улице, всегда нахватаются разных слов и выражений. Так и Комаровы стали употреблять в разговоре слово “холера”. Отец очень ругал за это и даже в угол ставил: *“Ни одно гнилое слово да не исходит из уст ваших”*. А то и ремень возьмет — широкий был ремень, ох боялись его дети! Наказывал он без гневливости и обязательно учил просить прощения, каяться.

Иосиф Иванович был молитвенник. Как свободная минута — он

В верхнем ряду (слева направо): Ефросиния, Евгения, Мария, Надежда;
в нижнем: Вера, Галина (Робак), Иосиф Иванович, внук Николай,
Валентина (Робак), внучка Татьяна

сразу к иконам: свой молитвенный уголок у него был в комнате. Все сразу затихало в доме — дети знали: ведется разговор с Богом.

В молитве сочетались боль и радость, борьба и покой, труд и утешение. О чем он молился и просил, слегка прикрыв глаза, нам неизвестно. Только желание находиться в постоянном богообщении становилось главным, к нему устремлялись все силы его души и духа, слитые воедино.

Что молитва дедушки Иосифа была угодна Господу, рассказывал его внук Николай, впоследствии это ощутивший:

“Мы все очень любили дедушку. Ему было уже за семьдесят, когда он работал конюхом в 60-е годы на льнозаводе. Я ему помогал. Собрались ребята на сушку сена, и мы в перерыве стали играть в карты. Дедушка подошел, постоял молча и ушел. Больше я никогда к картам не притронулся. Теперь, спустя много лет, вспоминаю его несколько необычный, отрешенный взгляд и понимаю, что он молился. Дедушка не поучал, не делал бесконечных замечаний — он просто молился, и Господь направлял человека в нужную сторону...”

Большое заблуждение думать, что своим старанием мы можем кого-то изменить. Никогда. Только своей жизнью и молитвой. У Бога, Который знает наше земное шествие до последней минуты, своя программа для каждого.

Хоть Иосиф Иванович и считал, что для девочек главное не образование, а жить в благочестии, выйти замуж и хорошо воспитать детей, на своей воле не настаивал, знал, что Мария Антоновна очень хотела, чтобы дети учились.

Школа располагалась сначала в их доме. Ребята из окрестных деревень тоже приходили сюда учиться.

Дали комнату приезжей учительнице, а сама семья Комаровых в двух маленьких комнатухах ютилась. А когда учительница вышла замуж и уехала, дети стали ходить в школу за три километра — в Городище, затем за четыре — в Козьи Горки.

Попробуй-ка отправь всех каждый день, накорми да одень!

Одевались очень бедно — семья еле концы с концами сводила. Но без молитвы день не начинался. Бога здесь почитали и веры не стыдились.

“Помню, в школьной стенгазете нарисовали на нас карикатуру, — вспоминает дочь Евгения. — Стоим на коленях, а внизу подпись: “Господи, помилуй”. Богомольцами звали нас, смеялись в школе над нами, пальцем показывали. А мы не обижались. Так воспитывались дома и не представляли, как можно жить по-другому.

Иконы в красном углу висели, мама с папой всегда Евангелие читали — как же без Бога-то? Если придется, то и пострадать за Него в радость...”

“Жили очень бедно, — вспоминает дочь Екатерина. — Есть было совсем нечего. Помню, поехала мама на Пасху в 37 году в Псков (у нас-то везде церкви позакрывали, одна в Полоцке только и осталась), привезла нам хлеба, булки. Такие мы, дети, довольные и счастливые были, что не рассказать! Не скрывала она, что верующая.

Соседка Мария Ковалева все уговаривала: “Смирись ты с властью, не говори о Боге, а то ведь, неровен час, засудят”. Но мама считала, что бояться нужно только Бога и Ему одному служить.

Восемь детей — как выжить, чем накормить? А каждый месяц нужно было еще сдать 100 яиц, 40 килограммов мяса, овощи.

Евфросиния, старшая из детей, пошла на железную дорогу снег чистить. Братья и сестры ей помогали. Только разве ж много заработаешь? Да и землю к этому времени отняли...

Косо смотрели власти на эту семью богомольцев: “Голые, босые,

есть нечего — посмотрим, как Бог ваш поможет!” Так и ждали какого-нибудь промаха, за что бы уцепиться.

Отец выделявал овчинки и продавал их в городе. На вырученные деньги закупали мясо, чтобы сдать свою норму государству.

Только вот дознались представители властей, что незаконно занимается Иосиф Комаров кустарным промыслом, и приехали описывать имущество.

Из дома взять было нечего. Зеркало висело на стене — и то забрали, более ценного ничего не нашлось. А Иосифа Ивановича арестовали, дали три года.

Наказание он сначала отбывал в Лепеле, потом перевели в Полоцк, где, работал на кирпичном заводе. Трудился добросовестно. Не потому, что хотел выслужиться, а потому что по-другому не умел. Всегда и все он делал добросовестно, аккуратно. Себе или другим — все равно. Его отношение к делу настолько бросалось в глаза, что это оценили и на выходные стали с завода отпускать домой, к семье.

А потом пришли другие испытания.

Сын Федор у Иосифа и Марии болел сильно. Очень уж быстрый он был: свалился с крыши, и бесследно это не прошло — туберкулез кости приключился. Раны у него по всему телу были — кости гнивали и осколками выходили наружу.

Что перенесло сердце материнское — об этом только Господь знает. Она скрывала от детей свою боль. Все поверяя Богу, с терпением и любовью несли они с мужем свой крест.

Только однажды, когда Евфросиния и Евгения на делянке лен рвали и сели на межу передохнуть, она не сдержалась, стала рассказывать дочкам, что Федя терпит, как ему больно.

Переполненное до краев, страдавшееся сердце изливало свою муку, и она горько плакала. Девочки плакали вместе с ней. Мама читала стихотворение, что написал ее Феденька:

*Всяку травушку я рвал,
Огонек раскладывал,
Огонек раскладывал,
Свои раны заживлял.
Ох вы, раны мои,
Очень больны вы мне,
Вы все кровью сошли,
Вы до сердца дошли...*

Вскоре Федя умер. Похоронили в субботу. А вечером его маму, Марию Антоновну, забрали. Тогда никто не подумал, что навсегда...

БЕДА ПОСТУЧАЛАСЬ В ДОМ

“В мире будете иметь скорбь,
но мужайтесь: Я победил мир”.
(Ин. 16.33)

Поздно вечером раздался стук в окно. Открыли. Пришли с обыском. С милиционером был и член сельсовета Григорий Зайцев.

Наверное, чувствовали себя “гости” все же не очень комфортно — пришли на ночь глядя и, по всему было видно, спешили.

Посадили всех рядышком: Иосифа, Марию, детей. Маленькую Надежду бабушка Татьяна держала на руках. Домочадцев охватило тревожное предчувствие. Дети шмыгали носами и тихонько плакали.

Обыск ничего не дал. Только паспорт Марии Антоновны изъяли да четыре ее фотокарточки.

“Одевайтесь!” — приказал сотрудник Полоцкого ОКРО НКВД хозяйке.

Дети стали плакать в голос: “Мамочка, не уходи!”.

Маленькую Надежду Мария Антоновна еще кормила грудью. Сейчас как раз подошло время кормления, и ребенок стал беспокоиться.

Но очень уж торопились представители власти — еще не одну семью с арестами наведать нужно было. Покормить ребенка матери уже не дали.

Открылась дверь, и она шагнула во тьму. Успела только старшей дочери, Евфросинии, сказать: “Пока я не вернусь, замуж не выходи”. Как могла она подумать тогда, что больше никогда не увидит детей?

Получив такое благословение, Евфросиния так и не вышла замуж. Ей пришлось заменить детям мать, стать верной помощницей и другом отцу.

Федю похоронили, в семье осталось семеро: шесть дочерей и сын Василий.

В ту ночь с окрестных деревень забрали многих.

Иосиф Иванович в воскресенье поехал в Полоцкую церковь. Он спешил поспеть к службе, помянуть о упокоении душу сына Федора, как неожиданно в д. Горбатки, в восьми километрах от Замощья, увидел жену. Кругом была милиция и много арестованных людей.

Мария тоже увидела мужа, глаза их встретились, но она смогла

только помахать рукой...

Когда Иосиф вернулся домой, он печально сказал детям: “Наверное, детки, мы маму уже не увидим...”

Все сгрудились около отца, лица стали не по годам серьезные. Детство закончилось.

...В ту ночь забрали многих. В основном “кулаков” — тех, кто много трудился и вел единоличное хозяйство.

Мария Антоновна попала под общую гребенку. Только не как “кулачка”, а сразу по двум статьям УК БССР — по 72 (за пропаганду и агитацию против советской власти) и по 76 (за организацию деятельности против советской власти).

“За веру в Бога” — такой статьи не было, но посадили за веру: на свободе она была опасна. Для новой власти даже само слово *Бог* внушало страх, а те, кто Его почитал, считались враждебными элементами.

Мир стал искать мудрости земной, человеческой, являющейся всего лишь суррогатом, и как-то резко стал терять память о Небесном. Учение Христово и Его святые заповеди никак не сочетались с той новой жизнью, которую люди пытались построить на земле.

Если верующие соблюдали церковные праздники, убеждая и других посвящать эти дни Богу, чтобы не прогневить, а призвать Его благословение на успех в трудах, то им вменялось это как саботаж и антисоветская пропаганда.

А если в великий праздник, скажем, на Пасху, не выходил кто-нибудь на работу в колхоз, значит, он против колхозов и нового строя. Одним словом, всем нужно было идти дружными рядами по широкому пути. Только вот чем он, путь этот, заканчивается — об этом в годы безбожия многие не думали.

Ярлыки навешивались легко, жизнь человеческая быстро обесценивалась, объяснять или доказывать что-либо было бессмысленно — никто никого не слушал.

Врагом советской власти считался всякий инакомыслящий, а от таких нужно было как можно скорее избавляться.

В материалах дела есть справка на Марию Комарову. Читаем:

“Антисоветски настроена, проводит контрреволюционную работу, агитирует колхозников не выходить на работу, на собрании открыто выступала против колхозного строя.

Среди колхозниц ведет антисоветскую агитацию, чтобы те молились Богу, так как народ заблудился, а потому один исход – молиться, и впоследствии народ будет помилован Богом.

Распространяет провокационные слухи о скором падении власти и ликвидации колхозов, внушает не выходить на работу в религиозные праздничные дни...”

Да, действительно, быть “антисоветски настроенным человеком” тогда и означало верить в Бога и не бояться веру эту проповедовать. Не зря называли ее богомолкой.

Иосиф и Мария всегда в воскресные и праздничные дни бывали в храме в поселке Белое. Там служил игумен Антоний – говорят, человек высокой духовной жизни, впоследствии тоже пострадавший за веру. Затем храм этот закрыли, а отец Антоний не благословил паству вступать в колхозы.

И хоть многие верующие стали работать в колхозах, супруги не решились нарушить благословение, как и некоторые другие прихожане храма.

Церковная литература и храмовые иконы хранились дома у Комаровых.

Представляете, что было бы, если бы пришли с обыском и нашли литературу? В то время за такое “преступление” грозил расстрел. И Иосиф, и Мария это знали.

Но знали они и другое: вера без дел мертва. А потому, рискуя жизнью, хранили храмовые ценности (иконы и книги тогда и являлись таковыми), молились, верили и ждали, когда откроется церковь, чтобы возвратить все в Дом Божий на радость людям.

Но не все так думали. Иные очень уж старались угодить властям.

Данные допроса свидетеля Смолякова из д. Козьи Горки. (1937 год):

“Среди населения окрестных деревень М.А. Комарова распространяет слухи о скорой гибели советской власти, как она называет ее, “власти антихриста”, о том, что скоро начнется светопреставление и всех, кто поддался влиянию антихриста, будут сжигать на огне.

Подобные разговоры мне приходилось слышать неоднократно. Она настолько фанатична, что может открыто говорить антисоветские взгляды под маской религиозности кому угодно”.

Еще один свидетель проходил по делу М.А. Комаровой — Евдоким Андреевич Лодолев, также из д. Козьи Горки:

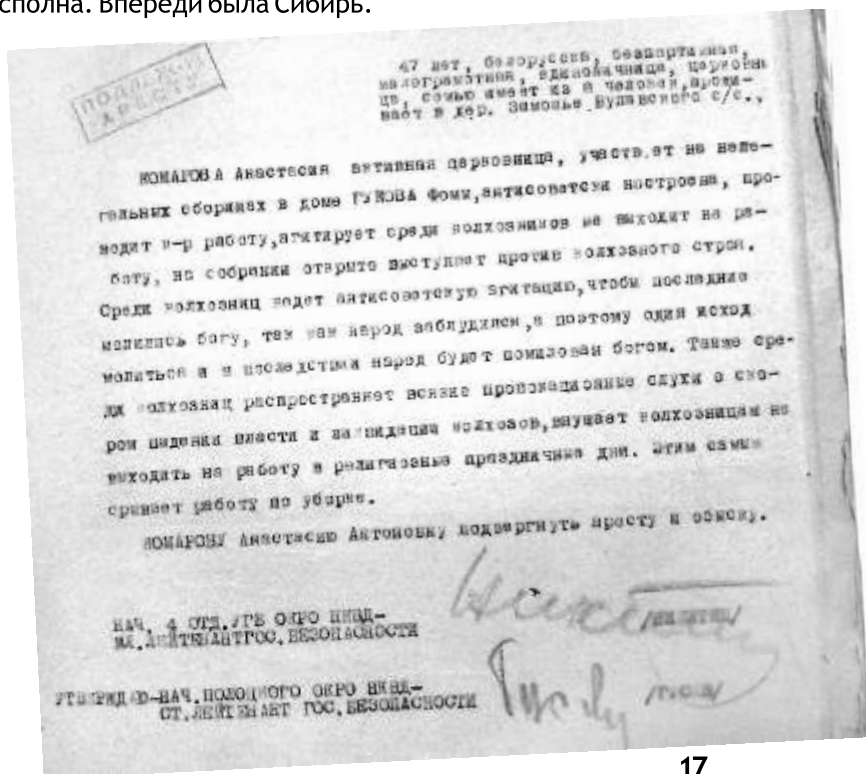
“Мне известно, что Комарова сама монашка-богомолка без определенных занятий. Ходит по деревням и агитирует об уходе из колхозов...”.

“Монашку-богомолку” с восьмью детьми не пощадила безжалостная машина НКВД.

Жители Замостья и близлежащих деревень хорошо знали Марию, любили ее за доброту и сострадательность к людям. А потому ее односельчане и жители д. Козьи Горки подписались под прошением властям освободить Комарову, ручаясь, что она невиновна. В те годы, когда люди боялись друг друга и пугались даже собственной тени, это дорогого стоило — такое отношение к себе нужно было заслужить.

Каждому, кто победил страх и вступился за ближнего, да еще исповедующего Православие, Господь обязательно зачтет там, в Вечности.

А у Марии здесь, на земле, был свой особый путь — она сподобилась пострадать за веру. Ей пришлось пройти все муки лагерной жизни сполна. Впереди была Сибирь.

СИБЛАГ

“Многими скорбми надлежит нам войти
в Царствие Небесное”.
(Деян. 14, 22)

С 1936 года, с началом в стране очередной кампании террора, численность заключенных в СИБЛАГе систематически возрастала. Точнее сказать, резко увеличился поток проходящих через лагерь, в результате чего состав заключенных за несколько месяцев полностью обновлялся.

Во многих отделениях и пересылках из-за огромного скопления людей условия содержания превратились в кромешный ад. Вернее, условий не было вообще, если не иметь в виду того, что обычно полагается для содержания скота. Многие подразделения поразила страшная эпидемия сыпного тифа.

С 1937 по 1939 год Мария Антоновна Комарова находилась в Беркульском, а с 1939 по 1941 год — в Мариинском отделении СИБЛАГа (Сибирских лагерей).

СИБЛАГ, центр которого одно время располагался в Мариинске, а затем в Новосибирске, возник в 1931 году на базе колоний реорганизованного СибУЛОНа (Сибирского управления лагерей особого назначения).

Границы лагеря охватывали территорию Западной и Центральной Сибири, но основная часть лагерных отделений и ОЛПов сосредотачивалась в Кузбассе, в районах лесозаготовок, строительства крупных заводов и угольных шахт.

На всем протяжении 30-х годов структура СИБЛАГа и численность заключенных в нем постоянно изменялись, а сам лагерь служил каналом непрерывной перекачки арестантов из одной части страны в другую. Это была по сути гигантская пересылка, через которую распределялись потоки конвоируемых крестьянских семей, «деклассированных», осужденных колхозников, уголовников и остальных категорий лагерного населения.

С того момента, как власть в НКВД перешла к Берия, в системе ГУЛАГа систематически проводилось массовое перераспределение заключенных. Лесные, строительные и промышленные лагеря «очищали» от инвалидов и слабосильных, оставляли лишь трудоспособных.

Всех малопригодных к тяжелым работам Берия «разгружал» в сельскохозяйственные лагеря, где им предстояло доживать остаток жизни.

В результате этих мер СИБЛАГ ежегодно пополнялся тысячами «доходяг». Взамен поставлялась здоровая рабочая сила.

В 1940 – 1941 годах в составе Сибирского лагеря насчитывалось 9 тысяч инвалидов и около 15 тысяч полуинвалидов, способных лишь к легкому труду.

Мария Антоновна Комарова находилась в хозяйственной группе, которая занималась сельскохозяйственным трудом. По три-четыре человека становились за плуг и вместо лошадей вспахивали огромные поля, обрабатывали землю, выращивали овощи.

В год разрешали написать домой только два письма. Но Мария Антоновна слыла стахановкой – трудилась добросовестно, как для Господа, потому ей разрешили писать чаще.

Она не жаловалась, все принимала благодарно, со смирением, как от руки Божией, только очень скучала по мужу и детям. В каждой строчке письма сквозило, как трудно ей.

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

1. Фамилия Момарета

2. Имя и отчество Мария Яковлевна

3. Дата рождения: число 10 месяц нояб. год 1918

4. Место рождения г. Заволжье Ярославской вл.

5. Местожительство (адрес) тот же

6. Профессия и специальность домохозяйка

7. Место службы и должности или учеб. заведения
время без ср-ства к жизни, включая время нахождения в тюрьме

8. Паспорт _____ (дата и место выдачи, номер)

9. Социальное происхождение крестьянское

10. Семейное положение замужем
1/2 зр. Зиним, Точмак

11. Б) после революции Удм. Респ. Точмак

Суровый
 Кем издано
 др Комаровский. Изд. Суровый
 по своему изданию.
 К тому же.

W. H. H. H.
A. H. H. H.

Ab. ix - 34.

10. Сравнение половозрастной пирамиды 1926 г. и пирамиды 1979 г.

до революции 1926 г. после революции

число душ

“Если сможете, пришлите сухариков”, — просила Мария. Но Иосиф с детьми сами еле перебивались, и послать им было нечего. Представьте, как голодала семья, что даже сухариков близкому, родному человеку не могли послать?

Сестра ее Эмилия посылала изредка сухарики, сало, залитое в раздутый свиной мочево́й пузырь. Только Мария, как вспоминала вернувшаяся из СИБЛАГа вместе с ней осужденная землячка, полученное в посылке раздавала другим. Она всех жалела и говорила: “Ничего, я еще могу потерпеть”. Смотрела, как едят другие, и радовалась, будто насыщалась сама.

“Она верующая дуже была, — рассказывает односельчанка Марии Елена Михальченко. — Ей было в радость, когда могла помочь ближне-му. Сама худенькая, хрупкая, а посылку получит — все-все раздаст, ничего себе не оставит, только молится. Все в деревне это знали. Хоть и далеко тот лагерь был, а люди весточку доносили”.

С детства усвоенные заповеди Божии давали возможность здесь, в тяжелой неволе, изнуряющем и душу, и тело труде испытать радость служения Богу. Каждым шагом, каждым поступком, такой непосильной для хрупкой женщины работой воздавать Ему славу, молиться и учить других видеть во всем Свет, верой побеждать уныние и тоску по дому, близким — разве это не радость?

Так, покорная Божией воле, во всем видя Его святой Промысел, прожила Мария Комарова эти годы.

Получая письма из далекой сибирской стороны, домашние Марии Антоновны плакали, читали-перечитывали их, запоминали наизусть, но не хранили — боялись.

“Дети врага народа” — такое клеймо ставили в 1937-м, и избавиться от него было не так просто. Казалось, вот-вот поздним вечером раздастся стук в дверь, войдут люди в кожаном и скажут: “Собирай-тесь”.

Только спустя годы, когда из сталинских лагерей уже возвращались узники, понемногу стала просачиваться правда о жизни осужденных.

Но вот что поразительно! Возвращались лагерники больные и сильно постаревшие от печалей и невзгод, но не возмущались несправедливостью, казалось бы, вычеркнутыми из жизни страшными годами.

Как вспоминают и дети, и внуки Иосифа Ивановича, он тоже никогда не обвинял никого в случившемся. Видя в этом десницу Божию, терпел, со смирением преодолевая трудности земного странствия...

Помните эпизод из Евангелия, когда Петр, выхватив из ножен находившийся при нем меч, ударил одного из стражников и отсек ему ухо?

По-видимому, и другие Апостолы хотели последовать его примеру, но Иисус остановил их, разъясняя Петру всю необдуманность его поступка: **«Неужели ты думаешь, что можешь помешать исполнению воли Отца Моего? Неужели возможно Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?»** (Ин. 18, 11).

Верующие люди (а в лагерях и атеисты начинали Бога признавать) видели высший смысл в случившемся с ними — попущение Божие за отступление от веры.

Пройдя земной ад, выдержав с помощью Божией все муки — и духовные, и телесные, они не роптали, потому что знали: наказан весь народ. И знали, за что наказан. А значит, чашу нужно было испить до дна.

Жизнь только по человеческим законам, а не по Законам Божиим уродует души, и тут же начинает действовать принцип “человек человеку — враг”. Нет ничего удивительного: для человеческой мудрости, не озаренной силой Духа Святого, так и должно быть.

Человек отошел от Бога, стал служить себе, а не Ему, и следствием этого отчуждения явилось полное извращение жизни не только самого виновника, но и тех, кто рядом.

Преграда между Богом и людьми может быть устранена только действительным искуплением греха. Вот и посылаются страдания и великие скорби. Особенно тяжкие для тех, кого Господь любит...

ТОЛЬКО ВЕРА ЖИВОТВОРИТ

“Если вы терпите наказание,
то Бог поступает с вами, как с сынами”.
(Евр.12.7)

Когда-то по возвращении с каторги писатель Ф.М. Достоевский отвечал сочувствовавшим: “И почему вы знаете? Может быть, там, наверху, Самому Высшему, нужно было меня привезти в каторгу, чтоб я там что-то узнал, то есть узнал самое главное, без чего нельзя жить, иначе люди съедят друг друга с их материальным развитием”.

Значит, страдание и есть те минуты, которые отрезвляют от опьянения собой, направляют силы души человека на Любовь, рождают высшее напряжение жизни?

И даже там, где, казалось бы, ни надежды, ни даже желания жить не хватает, держит вера — высшая жизненная сила, приносящая спасение.

Помните, как хорошо это прозвучало в фильме Тарковского из уст Сталкера? “Пусть они поверят... станут беспомощными, как дети. Потому что слабость велика, а сила — ничтожна”.

Еще и еще раз мы находим этому жизненные подтверждения.

Последние два года Мария Антоновна находилась в Мариинском распрепункте СИБЛАГа. Она сильно болела. В 1940 году врач написал заключение: “Декомпенсированный порок сердца, рекомендуется только сидячая работа”.

Увы, рекомендации врача тогда ничего не значили, и Мария каждый день становилась за плуг рядом с другими обессиленными женщинами. Она говорила себе: “Претерпевший до конца спасется” — и Господь давал силы претерпевать.

Воспоминания бывшего заключенного А. Шалганова, пережившего ужас Мариинского распрепункта СИБЛАГа в январе-мае 1938 года, дают, по-видимому, типичную картину того времени.

“Этот пункт, — пишет бывший лагерник, — состоял из одного здания, в котором могло поместиться от силы человек 250-300. Сейчас же в нем, как говорили, находилось около семнадцати тысяч.

Для того чтобы хоть как-то разместить заключенных, вырыли несколько землянок с печками, наскоро изготовленными из ржавых

бидонов, да поставили с десятков «палаток»: ледяные, кое-как обшитые тесом стены, покрытые сверху брезентом.

В землянке, куда я спустился со своим товарищем по этапу Петром

Дурыгиным, творилось что-то жуткое. Люди валялись на нарах, под нарами, в проходах — впритык. Шагу нельзя было сделать, чтобы не наступить кому-нибудь на руку. Вонь стояла страшная. Люди боялись выйти на улицу, потому что их место тотчас же занимал другой (а на дворе трещал мороз градусов под сорок).

Вповалку лежали туркмены, азербайджанцы, татары, мордва и земляки — москвичи, ленинградцы... Халаты туркменов, ветхая одежда заключенных, как маком, были обсыпаны вошью.

Ни мисок, ни ложек не было и в помине. К четырем котлам, в которых варили суп из мерзлой картошки, по-здешнему называемый баландой, выстраивалась очередь: заключенные подставляли кепки, треухи, а то и просто калоши и хлебали прямо из них.

...В феврале в лагере начался мор. Картошка кончалась, а воду не подвозили совсем. Мучаясь жаждой, люди горстями собирали покрытый кровавыми пятнами снег и отправляли в рот.

Дизентерия свирепствовала повсюду. Сначала умирало по 18-20 человек в день. Потом по 50-70. Я делал гробы: на два, на восемь человек. Потом кончился лес. Мы соорудили сарай и складывали там трупы; гора росла и росла и вскоре на два метра возвышалась над землей.

С января по май в Мариинском распределительном пункте погибло около десяти тысяч человек...».

ДОРОГА В ВЕЧНОСТЬ

“Буди верен до смерти и дам ти венец живота”.
(Откр. II, 10)

Мария Антоновна Комарова умерла 23 февраля 1941 года в 11.50 в Баимском отдельном лагерном пункте Мариинского отделения СИБЛАГа.

В справке указан диагноз: правосторонняя крупозная пневмония, порок сердца при явлениях отека легких.

Родные получили письмо от сокамерников. В нем кроме констатации факта о смерти рассказывалось, что, умирая, Мария вспоминала мужа и всех детей поименно, о всех молилась. Никого не обвиняя, простив всех, она даже в этот час находила в себе силы ободрить стоявших у одра. Отстрадала свое, как-то вся просветилась, и Господь забрал ее душу.

Преподобный Исихий, пресвитер Иерусалимский, пишет, **что стяжавший в сердце своем имя Иисуса Христа пройдет через мытарства как молния.**

А еще кто-то из святых сказал: **“В чьем сердце пребывает имя Божие, тот сподобится созерцать славу Божию в Вечной жизни”**. Ради этого можно все перенести. Только, Господи, дай силы.

Люди, которые в 1937 году Марию Антоновну Комарову избличали, порочили, в 1960-м, при повторных показаниях, говорили уже совсем другое. Например, вот слова того же М. Ф. Павлова:

“Комарову знал в довоенное время... все были старообрядцами, их социальное положение не помню, потому что у меня очень плохая память, я страдаю забывчивостью...состояли ли они в антисоветской группировке, я не знаю, но что они поддерживали друг друга и собирались на моления — это было...”

Да, на память после реабилитационной волны в 60-е стали жаловаться многие, а надо бы на совесть.

Судьбы детей Комаровых сложились по-разному.

Старшая, Евфросиния, всю жизнь трудилась рядом с отцом,

Иосиф Иванович с дочерьми.

В верхнем ряду (слева направо): Мария, Антонина, Надежда;
в нижнем: Евгения, Ефросиния, Екатерина

поднимая младших. Умерла она в 1996 году, так и не дождавшись любимой мамочки.

Сын Василий пропал без вести во время войны.

Мария в 2002 году почилла, а Евгения, Екатерина, Антонина и Надежда, слава Богу, живы. Сами уже вырастили детей, имеют внуков, правнуков.

Евгения живет в Латвии: как попала туда после войны, вышла замуж, так и осталась.

Екатерина, быстрая и по натуре неугомонная, хоть и живет в Литве, на родине бывает часто.

Надежда и Антонина остались в Беларуси, рады гостям и друг другу. Только когда говорят о прошлом, всегда плачут — очень уж нелегко о нем вспоминать.

Какими незначительными кажутся проблемы сегодняшнего общества с его экономическим кризисом по сравнению с тем, что перенесли люди в далекие предвоенные, военные и послевоенные годы. И как же мудр тот, кто обращает дни и годы свои в дорогу к Вечности, видя смысл жизни за пределами жизни, кто предпочитает невидимое видимому, кто поработает плоть и кровь, чтобы принять Дух!

... 26 декабря 1960 года, через девятнадцать лет после смерти, Мария Иосифовна Комарова была реабилитирована, о чем родные получили определение Верховного Суда БССР.

В деле №26623 Марии Комаровой, находящемся в архиве ГУВД г.Новосибирска, только скудные распоряжения о перемещении ее по СИБЛАГу и ни одной, даже самой маленькой фотографии.

На месте Баимского лагерного пункта Мариинского отделения вы не найдете захоронений — такое впечатление, что кому-то очень хотелось все зачистить, стереть с лица земли, как будто ничего и не было.

14 августа 2009 года в г.Мариинске состоялось открытие мемориала памяти жертвам СИБЛАГа и освящение часовни великомученицы Анастасии Узорешительницы — небесной покровительницы всех несправедливо осужденных, утешительницы заключенных

Там возвышаются жилые дома, на детских площадках играют дети — жизнь продолжается, все меняется, все течет. Только вот память... Как с ней быть? Ее не сотрешь, даже если и очень хотелось бы. В ее тайниках помимо нашей воли живут воспоминания о родных, близ-

ких, которых, может быть, мы никогда и не видели. Они время от времени напоминают, что слишком дорогая цена заплачена за сегодняшний день, за нашу жизнь, которую мы так безрассудно разбазариваем.

*Беспечность не к подвигу тянет,
На зрелище гонит, не в Храм...
Гром грянет — и Бога помянет.
Ну как же не грянуть громам!*

*И вроде бы все понимаем,
Но воля слаба от затей,
И сами себе призываем,
Что кровушкой топим своей.*
иер. Роман

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За все годы террора и “строительства социализма” через лагеря и тюрьмы прошла огромная часть советского общества.

События 1937-1938 годов уже воспринимаются как далекая история, как легенда. Может быть, поэтому они нас ничему не учат. Только ведь тот, кто забывает прошлое, не имеет будущего...

Господь призывает нас в Свою Церковь, на брак Сына Своего, на Его спасительную Вечерю, но хотим ли мы принять брачную одежду добродетелей, жить по вере и вникать в самый дух учения Христова? Помним ли, что своими грехами мы вновь и вновь распинаем Христа?

Жизнь зовет могучими призывами — чувственными удовольствиями, наслаждениями, но давайте не забывать, что без веры в Бога потерять человеческий облик очень легко.

Нам всем оставлено покаяние. И только им стираются грехи, а значит, нужно решать: либо мы с Богом, на брачном пиру Его Сына, в светлой одежде добродетелей, в радости, в Царствии Небесном, либо за пределами жизни, где тьма, плач и скрежет зубов.

Третьего не дано. У каждого есть право выбирать.

---

*Выражаем благодарность руководству КГБ
Республики Беларусь по Витебской области
и персонально начальнику архива Управления КГБ
Республики Беларусь по Витебской области полковнику
Игорю Анатольевичу СЕДЫХ
за оказанную помощь в подготовке материала*

ЖЕРТВЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРА В СССР

Приговор: раскулачена и выслана на спецпоселение в г. Усолье Пермской обл. Сняты с учета спецпоселения 14.02.1942 г., 16.06.1947 г. Реабилитирована 23 апреля 1993 г.

Источник: Книга памяти Кировской обл.

- **Комарова Мария Андреевна**

Родилась в 1916 г., Орловская обл., Карачевский р-н, с. Пятницкое; б/п; без определенных занятий. Проживала: Московская обл., г. Подольске.

Приговорена: Особое Собрание НКВД СССР 6 февраля 1943 г., обв.: по ст. 58 пп. 10, 11 УК РСФСР.

Приговор: 10 лет ИТЛ.

Источник: Книга памяти Калужской обл.

- **Комарова Мария Антоновна**

Родилась в 1893 г., д. Замощье Полоцкого р-на; белоруска; Домохозяйка. Проживала: Витебская обл., Полоцкий р-н, д. Замощье.

Арестована 19 сентября 1937 г.

Приговорена: "тройка" 26 сентября 1937 г., обв.: 72, 76 УК БССР - а/с агитация, член к/р группы.

Приговор: 10 лет ИТЛ Реабилитирована 26 декабря 1960 г. Колл. ВС БССР

Источник: Белорусский "Мемориал"

- **Комарова Мария Афанасьевна**

Родилась в 1913 г. Проживала: Алтайский кр..

Приговорена: 12 декабря 1931 г., обв.: кулаки (Постановление СНК и ЦИК СССР от 1.02.1930).

Приговор: спецпоселение в Томской обл.

Источник: УВД Томской обл.

- **Комарова Мария Васильевна**

Родилась в 1930 г., Чувашия, Вурнарский р-н, д. Ослаба; Проживала: Чувашия, Вурнарский р-н, д. Ослаба.

Приговорена: собрание бедноты и колхозников 29 июля 1931 г., обв.: постановление ЦИК и СНК СССР от 1.02.1930 г..

Приговор: спецпоселение - Свердловская обл. Реабилитирована 15 марта

У каждого
есть право
выбравать

Автор – Николай Смирнов.

Редактор-корректор – Мария Евхимович.

Технический редактор – Виталий Герасименко.

Подписано в печать 16.09.2009.

Тираж 2000 экземпляров.